

М И Н О С Ъ.

МИНОСЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Диалогъ подъ заглавіемъ «Миносъ» съ самыхъ древнихъ временъ получилъ мѣсто въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій и приписываемъ былъ Платону. Но новѣйшая критика ясно и неопровержимо доказала подложность его. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться, какъ въ продолженіе столь многихъ вѣковъ не была замѣчена никѣмъ изъ знатковъ поддѣльность «Миноса», обнаруживающаяся въ немъ такъ грубо съ первой строки до послѣдней. Не говоримъ уже о подлинныхъ сочиненіяхъ Платона: если мы станемъ сравнивать его даже съ тѣми, которыя почитаются сомнительными или прямо подложными, — онъ и съ ними не выдержитъ сравненія. Обратимъ ли вниманіе на его планъ, формы изложенія, языкъ, или будемъ присматриваться къ содержанію его разсужденій, къ приемамъ изслѣдованія, къ движенію и развитію содержащихся въ немъ мыслей, все это окажется въ «Миносѣ» настолько несовершеннымъ, что обидно было бы приписать ему честь сочиненія не только Платонова, но и принадлежащаго какому нибудь другому способному писателю. Чтобы оправдать такой отзывъ нашъ о «Миносѣ», сдѣлаемъ обзоръ этого діалога въ цѣломъ его составѣ.

Руководителемъ бесѣды въ «Миносѣ», какъ и во всѣхъ почти подлинныхъ сочиненіяхъ Платона, выставляется аѳинскій мудрецъ Сократъ. Но Сократъ здѣсь—очень жалкая личность. Рѣчь его, противъ обыкновенія, дубовата и не изящна, отношеніе къ собесѣднику отзывается невѣжествомъ и какою-то простонародною грубостію. Притомъ, кому пришло бы въ голову навязывать Платонову Сократу выраженія пошлаго тщеславія и пустой хвастливости, которыми характеризуется онъ въ «Миносѣ»? А собесѣдникъ его—лицо безъ имени: кто такой онъ былъ, вопреки обычаю Платона, не обозначается ни однимъ словомъ. Забавно мнѣніе древнихъ, будто въ немъ олицетворяется прославленный исторіею законодатель — Миносъ критскій, такъ какъ онъ не представляется здѣсь присутствующимъ. Да и какое странное было бы отношеніе временъ, если бы это представлялось! Посему-то *Бентлей* (*Respons. ad Boul.* р. 155), удивляясь нелѣпости такого мнѣнія, полагаетъ, что собесѣдникомъ Сократа въ «Миносѣ» надо считать не Минаса критскаго, а скорѣе всего одного изъ аѳинскихъ юношей, того же имени,—хотя и это невѣрно: *Шлейермахеръ* и *Беккъ*, по нашему мнѣнію, очень основательно возражаютъ на это, что имя Минаса было вовсе не употребительно въ Аѳинахъ. Притомъ, изъ самаго текста (р. 321 D) видно, что собесѣдникъ Сократа былъ не юноша, а человѣкъ уже пожилой. Это какой-то проходимецъ изъ народа, отличающійся бессмысленною болтливостію и обнаруживающій странныя притязанія на ученость. Онъ, безъ всякаго повода, весьма важно разсуждаетъ о вещахъ самыхъ ничтожныхъ, подавая видъ, что вносить въ бесѣду богатство глубокой эрудиціи,—какъ, напр., въ томъ мѣстѣ, гдѣ доказываетъ примѣрами, что разные народы пользуются разными законами. Есть у него также стремленіе подражать тонкому мышленію философовъ: но онъ подражаетъ такъ неумѣло, что рѣчь его становится только нелѣпою и смѣшною. И все это представляется до такой степени неопредѣленнымъ, и такъ мало

относится къ Миносу, что невольно приходишь къ мысли, не должно ли почитать здѣсь подставнымъ именемъ и самое заглавіе «Миноса». Не взято ли это имя только ради того, что въ послѣдней части книги говорится о Миносѣ, знаменитомъ законодателѣ древности,—подобно тому, какъ «Иппархъ» получилъ свое заглавіе по случаю краткаго упоминанія въ этомъ діалогѣ о заслугахъ Иппарха? Кромѣ несообразностей, какія обнаруживаетъ характеристика разговаривающихъ въ «Миносѣ» лицъ, самая вышняя форма разсматриваемаго діалога производитъ на читателя весьма непріятное впечатлѣніе. Приступа здѣсь нѣтъ. Разговоръ начинается прямо вопросомъ: что такое законъ? и продолжается съ какою-то грубою бойкостью, напоминающею деревенскаго учителя, когда онъ съ самаго начала старается изумить мальчика-иниціата трудными вопросами и поддѣланными подъ ученый языкъ фразами. Не лучше начала и конецъ разговора. Тутъ не дается никакихъ выводовъ и никакихъ опредѣленій по отношенію къ главному предмету рѣчи; есть много и другихъ недомолвокъ, и ничто не напоминаетъ плавнаго и непринужденнаго теченія Платонова діалога, когда онъ приводится къ концу. Поэтому *Патрицій* (*Discuss. Peripat.* р. 338) и другіе ученые смотрѣли на «Миноса», какъ на сочиненіе не законченное: но здѣсь чувствуется недостатокъ, очевидно, не въ концѣ, а въ искусствѣ и умѣньи естественно довести дѣло до мыслей заключительныхъ.

Обратимъ вниманіе на содержаніе діалога. Впрочемъ, въ чемъ состоитъ оно, рѣшить не легко. Говорится вообще, конечно, о законѣ; такъ что предметъ виденъ, и самъ по себѣ онъ достоинъ философскаго изслѣдованія. Но разсматривается онъ такъ сбивчиво, что если бы спросили, какія, относящіяся къ природѣ закона, положенія принимаются, какія отвергаются, какія поставляются на видъ,—трудно дать себѣ въ этомъ ясный отчетъ. Здѣсь громоздятся вопросъ на вопросъ, примѣръ на примѣръ, доказательство на доказательствѣ; и писатель съ удивительнымъ непостоянствомъ перебѣгаетъ отъ

положенія къ положенію, ничѣмъ не приводя ихъ въ связь, не выводя осторожно и послѣдовательно никакихъ заключеній, не держась никакой нити доказательствъ. Не смотря однакожь на это, чтобы читатели сами поняли, о чемъ тутъ идетъ рѣчь, мы попытаемся отрывочныя разсужденія діалога привести въ нѣкоторый порядокъ: это тѣмъ нужнѣе, что тогда откроются, конечно, и матеріальныя погрѣшности Миноса.

Діалогъ начинается вопросомъ Сократа: чтѣ такое законъ? Собесѣдникъ его, послѣ нѣсколькихъ околичностей, отвѣчаетъ, что законъ есть узаконяемое, νόμιζόμενον. Сократъ однакожь не удовлетворяется этимъ опредѣленіемъ, утверждая, что узаконяемое отъ закона отлично. Послѣ сего собесѣдники переходятъ къ тому мнѣнію, что законъ есть правило или постановленіе, публично утвержденное положеніе. Все это раскрывается до р. 314 С. Но Сократу и это послѣднее опредѣленіе закона не нравится. Чтобы опровергнуть его, онъ разсуждаетъ приблизительно такъ: Мудрецы бываютъ мудрыми чрезъ мудрость, а справедливыя справедливыми—чрезъ справедливость. Слѣдовательно, законныя бываютъ также законными чрезъ законъ, а незаконныя—чрезъ пренебреженіе законовъ. Но любители законовъ справедливы; справедливость и законъ, по истинѣ, суть нѣчто прекрасное, въ чемъ одномъ содержится благоденствіе общественное и частное. Между тѣмъ приговоры и постановленія обществъ не всѣ можно хвалить безъ различія. А отсюда слѣдуетъ, что не въ приговорахъ и постановленіяхъ общества состоитъ сущность и природа закона. Законъ всегда добръ и спасителенъ; а приговоры государственныя нерѣдко бываютъ худы и вредны (р. 314 С—Е).

Нетвердость этого заключенія легко замѣтитъ всякій и безъ указанія. Здѣсь требовалось доказать, очевидно, какъ главное положеніе, что законъ, разсматриваемый самъ въ себѣ, всегда добръ и полезенъ. Но довѣрчивый и поверхностный собесѣдникъ, уступивъ тотчасъ, что законъ вообще спасителенъ, самъ же затѣмъ полагаетъ, что объемъ предложен-

наго опредѣленія надобно ограничить, и даетъ Сократу поводъ предположить, что законъ состоитъ въ правильномъ мнѣніи общества; такъ какъ приговоры его суть не иное что, какъ мнѣнія. Отсюда же тотчасъ дѣлается заключеніе, что законъ есть обрѣтеніе существующаго, если только правильное мнѣніе состоитъ въ обрѣтеніи истиннаго (р. 315 А).

Не трудно догадаться, откуда все это вышло. Здѣсь многое, безъ сомнѣнія, заимствовано изъ того, что въ «Политикѣ» (р. 291 С—297 С) читается о совершенномъ умѣ мудреца, какъ наилучшемъ и единственномъ источникѣ и началѣ закона. Но заимствование сдѣлано такъ, что допущено смѣшеніе между понятіями вещей самыхъ различныхъ. Во первыхъ, вмѣсто совершеннаго ума, здѣсь взято правильное мнѣніе, *δόξα ἀληθής*, которое самому Платону представлялось совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ автору «Миноса». Во вторыхъ, тогда какъ въ «Политикѣ» правильное мнѣніе принимается само по себѣ за высшій законъ, въ «Миносѣ» природа закона нелѣпо сводится на обрѣтеніе сущаго. Очевидно, что здѣсь смѣшиваются вещи совершенно различныя.

Но послушаемъ, какъ далѣе разсуждаетъ нашъ философъ. Онъ самъ допускаетъ, что велико бываетъ различіе между законами. По этому поводу, второе разговаривающее лицо тотчасъ произноситъ Сократу довольно длинную рѣчь, въ которой доказываетъ, что содержаніе законовъ въ однихъ обществахъ бываетъ такое, въ другихъ другое; въ однихъ тѣ самое считается благочестивымъ, святымъ, справедливымъ, что въ другихъ—нечестивымъ и несправедливымъ. Сократъ досадуетъ на длину рѣчи своего собесѣдника и укоряетъ его, замѣчая, что дѣло надобно изслѣдывать сообща. Онъ полагаетъ, что справедливое и честное всегда сами себѣ вѣрны, не знаютъ измѣнчивости и противорѣчій. Тѣмъ не менѣе нельзя отвергать, что въ человѣческой жизни, относительно справедливаго и честнаго, законы обыкновенно сильно разногласятъ. Но это легко объясняется тѣмъ, говорить, что люди уклоняются отъ истины

и неправильно понимаютъ, что согласно съ требованіями закона. Напротивъ, тѣ, которые строго держатся усвоеннаго ими искусства, не могутъ отступать отъ его требованій, имѣющихъ для нихъ всю силу законовъ. Вѣдь врачи для пользованія больныхъ, земледѣльцы для воздѣлыванія нивъ, садовники для обработыванія садовъ всегда полагаютъ и считаютъ истинными одни и тѣ же законы. Такіе же одинаковые взгляды и у людей, знающихъ искусство управлять обществомъ; и что бы ни думали они,—замыслы ихъ необходимо должны имѣть силу и авторитетъ закона. А такъ какъ знатоки искусства не убѣждаются ни въ чемъ, кромѣ того, что истинно, то мы весьма правильно судили, что законъ есть обрѣтеніе истиннаго.

Это излагается въ «Миносѣ» отъ р. 315 А до р. 317 D. Всмотрѣвшись внимательно въ эти умствованія, нельзя и здѣсь опять не замѣтить чрезвычайно узкое пониманіе дѣла: умъ писателя не постигъ во всемъ объемѣ широкой мысли Платона, раскрытой какъ въ другихъ діалогахъ, такъ особенно въ «Политикѣ». Онъ истиннаго политика смѣшалъ съ законодателями дѣйствительныхъ обществъ, тогда какъ Платонъ послѣднихъ старательно отличалъ отъ перваго. Законодатели же сравнены у него съ людьми, знающими обыкновенныя житейскія искусства; а этихъ послѣднихъ признаетъ онъ такими знатоками, что они, въ опредѣленіи законовъ своего искусства, никогда будто бы не отступаютъ отъ истины и всегда бываютъ согласны между собою. Такъ что, по заключенію этого мыслителя, и люди, знающіе политическое искусство, выходятъ такими же героями! Счастливы были бы человѣческія общества, если бъ это было въ самомъ дѣлѣ такъ!

Эти допущенныя въ «Миносѣ» несообразности сопровождаются другими, въ томъ же родѣ, которыя представляются сами собою при дальнѣйшемъ чтеніи діалога. Когда (на стр. 317 D) собесѣдники согласились въ послѣднемъ своемъ мнѣніи, Сократъ вслѣдъ за тѣмъ начинаетъ рассуждать такъ. Земледѣльцы, говорить, для каждой почвы подбира-

ютъ самыя приличныя ей сѣмена. Музыканты для каждой пѣсни подыскиваютъ самыя приличные ей звуки. Такимъ же образомъ гимнастики для человѣческихъ тѣлъ выдумываютъ самыя лучшія и полезныя блюда и какъ бы пасутъ тѣлесное стадо (νέμουςιν). Пастухи рогатаго скота тоже изобрѣтаютъ, что скотинѣ особенно полезно. И такъ, законы ихъ въ этихъ родахъ справедливо почитаются наилучшими. Чьи же законы будутъ самыми лучшими и полезнѣйшими для человѣческихъ душъ? Конечно, законы царя. Но между древними музыкантами болѣе всѣхъ славился Марсіасъ, съ своимъ любимцемъ, фригійскимъ Олимпомъ. А между древнѣйшими законодателями подобнымъ же образомъ считался величайшимъ и мудрѣйшимъ критскій Миносъ. Если многіе и рассказываютъ, что онъ былъ жестокъ, то это—рассказы аттическіе, пущенные въ ходъ трагическими поэтами. Совсѣмъ другое передаютъ о немъ Омиръ и Исідоръ,—писатели болѣе достовѣрные, нежели трагическіе поэты. Вѣрь же тому, что эти говорятъ о немъ, чтобы не взять на себя грѣха. Вѣдь ничего нѣтъ столь нечестиваго,—чего бы слѣдовало болѣе остерегаться,—какъ словами или дѣлами грѣшить противъ боговъ и потомъ—противъ божественныхъ людей. Всегда нужна величайшая осторожность, какъ скоро хочешь кого хвалить или бранить: потому что гнѣвается Богъ, если бранятъ человѣка ему подобнаго, или хвалятъ не подобнаго; а подобны Богу доблестные люди. Не думай, что священными бываютъ камни и деревья, птицы и змѣи, а человѣкъ—нѣтъ; напротивъ, человѣкъ добрый есть священнѣйшая изъ всѣхъ вещей, а не добрый—самая недостойная изъ нихъ. Такъ вотъ, Омиръ и Исідоръ рассказываютъ о Миносѣ только хорошее, что заставляетъ ему удивляться. Онъ, говорятъ, всякій девятый годъ бесѣдовалъ съ Зевсомъ; ибо Зевсъ—софистъ, съ которымъ поучительно вести бесѣду. Онъ производилъ судъ, держа въ рукѣ золотой скиптръ. Онъ въ исполненіи законодательныхъ своихъ рѣшеній пользовался услугами Радаманта и Талоса. Много и дру-

гихъ подобныхъ разсказовъ. А что многіе почитаютъ его жестокимъ и свирѣпымъ,—это клевета аттическихъ поэтовъ. Поэтому и ты, и всякій другой, кто хочетъ быть благо-разумнымъ и дорожить добрымъ своимъ именемъ, всячески остерегайтесь навлечь на себя ненависть людей съ поэтическимъ дарованіемъ; ибо поэты имѣютъ силу направлять славу имени въ ту и другую сторону. Въ этомъ погрѣшилъ и Миносъ, возставшій нѣкогда войною на этотъ городъ, въ которомъ издревле уже процвѣтала поэзія трагическая. Въдъ начало трагедіи надобно вести не только отъ Тесписа или Фриниха; она была древнѣйшимъ изобрѣтеніемъ этого города. Такъ какъ трагедія особенно способна трогать и увлекать народъ, то аеиняне, выводя въ ней на позоръ Миноса, тѣмъ самымъ мстили ему за наложенныя на ихъ предковъ дани. Вотъ они-то покрыли его безславіемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ хорошии законодатель, и установилъ наилучшимъ образомъ все, что полезно было критянамъ. Изложивъ это (отъ р. 317 D до р. 321 B), Сократъ наконецъ прибавляетъ: Дознано уже, что Миносъ и Радамантъ нѣкогда были наилучшими законодателями. Такъ вотъ, если бы кто спросилъ насъ: «хорошии законодатель по отношенію къ тѣлу что избираетъ для тѣла, чтобы лучше содержать его?»—мы отвѣчали бы: пищу и труды, —первою развивая его, а послѣдними укрѣпляя. А когда бы предложенъ былъ вопросъ: «но какія мѣры хорошии законодатель избираетъ для души, чтобы сдѣлать ее наилучшею?» Какой могли бы мы дать отвѣтъ, не осрашивъ ни себя, ни свой возрастъ? Въдъ стыдно было бы душѣ обоихъ насъ оказаться не знающею того, отъ чего зависитъ въ ней доброе и дурное, когда она очень хорошо знаетъ и различаетъ вещи, относящіяся къ тѣлу (р. 321 B—D). Этими словами оканчивается діалогъ.

Разсматривая изложенную теперь послѣднюю часть «Миноса», не трудно замѣтить, что писатель хотѣлъ представить въ Миносѣ какъ бы образецъ совершеннѣйшаго царя, осчастли-

вившаго государство справедливыми законами. Но если это и было у него въ виду, то онъ такъ неловко управился съ своею задачею, что нисколько не достигъ предположенной цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему служатъ всѣ эти разсужденія—со стр. 317 D? Здѣсь Миносъ берется въ примѣръ хорошаго государя; но на какомъ основаніи это дѣлается—ни изъ чего не видно: потому что достоинства Миноса не изображаются такими чертами, которыя соотвѣтствовали бы описанному выше типу хорошаго законодателя. Вся эта часть сочиненія къ содержанію разсужденія ничего ровно не прибавляетъ, и все, что говорится здѣсь о Миносѣ, представляется, по отношенію къ предмету діалога, дѣломъ стороннимъ. Особенно же не кстати привнесены сюда разныя басни и преданія. Къ чему, на примѣръ, эти рассказы о Марсіасѣ и Олимпѣ, о Радамантѣ и Талосѣ, о древности аттической трагедіи, о ненависти поэтовъ къ Миносу, о человѣкѣ добромъ, какъ предметъ священнѣйшемъ? Все это вводится въ бесѣду помимо главнаго вопроса. Отмѣтимъ между прочимъ и одно противорѣчіе: писатель сперва утверждалъ, что одинъ Миносъ критскій есть совершенный царь-законодатель; а потомъ, на стр. 321 В—С, рядомъ съ Миносомъ ставитъ и Радаманта, какъ образцоваго законодателя древности.—Вообще идеи Платона о совершенномъ законодателѣ нисколько не поняты авторомъ «Миноса».

При такомъ содержаніи діалога, нельзя предполагать ничего хорошаго и въ его формѣ. Выраженія въ немъ, конечно, не чужды характера греческаго языка; но, взятые во взаимной связи, онѣ часто обличаютъ въ писателѣ удивительную слабость мышленія. Такова вообще природа человѣческихъ способностей, что никто не въ состояніи хорошо писать, если не научился правильно, ясно и отчетливо мыслить. Хорошаго изложенія мыслей никогда не замѣнитъ собою никакой подборъ изящныхъ фразъ и блестящихъ словъ, никакая вообще разукрашенность и цвѣтистость рѣчи. Въ собственномъ смыслѣ то только прекрасно, что ясно

и отчетливо выражаетъ идею и чего, не вредя смыслу рѣчи, никакимъ выраженіемъ замѣнить нельзя.—Мы не будемъ здѣсь разбирать отдѣльныхъ фразъ, совершенно чуждыхъ языку Платона и ясно доказывающихъ, что авторомъ «Миноса» былъ вовсе не Платонъ: мы считаемъ болѣе умѣстнымъ сдѣлать оцѣнку ихъ въ примѣчаніяхъ. Указываемъ однакожь на тѣ мѣста «Миноса», въ которыхъ, при первомъ уже взглядѣ, открывается явное несходство языка его съ языкомъ подлинныхъ сочиненій Платона. Такими мѣстами представляются особенно выраженія писателя на стр. 315 C; 315 D, 316 C, 316 E, 318 A. Частная характеристика ихъ будетъ приведена въ своемъ мѣстѣ.

Но если содержаніе и форма «Миноса» ясно свидѣтельствуютъ о подложности этого діалога, то нельзя ли найти и какихъ нибудь указаній на счетъ того, кѣмъ и когда сдѣланъ подлогъ? Бѣккъ полагаетъ, что Миность написанъ еще въ вѣкъ Платона, Симономъ Сократикомъ (доказательства этого предположенія см. въ его *Commentat. in Platon. Min. p. 33 sqq.*). Онъ рассуждаетъ такъ. Между подложными сочиненіями Платона, четыре діалога такъ сходны одинъ съ другимъ, что можно почитать ихъ произведеніями одного и того же писателя. Это именно діалоги: *Иппархъ*, или *περί φιλοκέρδοϋς*; *Миность*, или *περί νόμου*; *О праведникѣ*, или *περί τοῦ δίκαιου*, и *О добродѣтели*, *περί ἀρετῆς*. Въ этихъ діалогахъ, говорятъ, во первыхъ, то общее, что въ каждомъ изъ нихъ Сократъ бесѣдуетъ съ лицомъ неизвѣстнымъ, которое не означено никакимъ именемъ; во вторыхъ, они характеризуются и тою общою чертою, что чужды всякаго драматизма, хотя въ книгахъ «О праведникѣ» и «О добродѣтели» сравнительно еще больше сухости, чѣмъ въ остальныхъ двухъ. Кромѣ того, и надписанія свои всѣ они получили отъ своего содержанія, такъ какъ древнее надписаніе «Миноса» было *Περί νόμου*, а «Иппарха»—*Περί φιλοκέρδοϋς*. Далѣе, всѣ они отличаются совершенно одинаковымъ родомъ философствованія, то есть, въ вопросахъ трудныхъ оказываются краткими, а въ

простыхъ длинными, легко перебѣгаютъ отъ одного порядка доказательствъ къ другому и представляютъ много ничего не объясняющихъ примѣровъ. Наконецъ, во всѣхъ ихъ одинакова также и метода разсужденій,—точно они составлены всѣ по одной модели. Изъ этого Бёккъ заключаетъ, какъ о дѣлѣ правдоподобномъ, что эти діалоги принадлежатъ одному писателю. О Симонѣ же Діогенѣ Лаэръцій (II, 122, 123) говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Симонъ аѳинянинъ, сапожникъ. Когда Сократъ прихаживалъ къ нему въ мастерскую и разговаривалъ о чемъ нибудь, онъ старался записывать, чтò припоминалъ изъ его разговоровъ. Эти записки называли тогда сапожническими, и ихъ въ одномъ свиткѣ насчитывалось до тридцати трехъ». Между ними были заглавія: *περί δικάσιον πρώτος και δεύτερος*,—*περί ἀρετῆς, ὅτι οὐ διδαχτόν*,—*περί νόμου*,—*περί φιλοκέρδοϋς*. Такъ какъ эти заглавія соотвѣтствуютъ четыремъ вышеупомянутымъ діалогамъ, то Бёккъ и заключаетъ, что авторомъ всѣхъ ихъ былъ Симонъ. Заключение это подтверждается, по его мнѣнію, тѣмъ, что языкъ «Миноса» весьма чистъ, упоминаемые обычаи—древни, и все въ немъ достойно вообще писателя тогдашней Аттики. Наконецъ, онъ ссылается на авторитетъ Плутарха, Діогена, Максима тирскаго, Климента ал. и друг., которые часто упоминаютъ объ этихъ книгахъ.

Надобно согласиться, что мнѣніе Бёкка, обставленное такими доказательствами, имѣетъ замѣчательный видъ въ-роятія, и мы готовы были бы принять его. Но представляются намъ два обстоятельства, въ виду которыхъ мы затрудняемся признать это предположеніе Бёкка, въ настоящемъ его видѣ, безусловно справедливымъ. Во первыхъ, мы замѣчаемъ, что упомянутые діалоги, во многихъ отношеніяхъ очень сходные, въ другихъ представляютъ также и весьма существенныя несходства. Въ двухъ изъ нихъ, именно «О праведникѣ» и «О добродѣтели», такъ мало скрыты слѣды подражанія подлиннымъ сочиненіямъ Платона, что бросаются въ глаза сами собою. Въ «Праведникѣ», напримѣръ

отъ стр. 372 Е до 373 Е мы встрѣчаемъ почти буквальную выборку изъ «Эвтифрона», а самое начало этой книги составлено по образцу «Миноса». То же и въ діалогъ «О добродѣтели»: почти половина разсужденія взята изъ «Менона» и «Протагора», даже безъ измѣненія подлинныхъ словъ Платоновыхъ. Но совсѣмъ иное замѣчается въ «Иппархѣ» и «Миносѣ»: здѣсь не видно длинныхъ, сплошныхъ заимствованій изъ Платона; да и краткія, гдѣ они встрѣчаются, внесены съ разными измѣненіями, такъ что не имѣютъ вида рабскаго подражанія. Кромѣ того, и приемы разсужденія въ нихъ не одинаковы: правда, всѣ они обнаруживаютъ недостаточную точность въ выводѣ заключеній; но въ «Иппархѣ» много безсодержательной болтовни, и въ «Миносѣ» ея еще больше, въ прочихъ же діалогахъ, такъ какъ они проще и составлены наполовину изъ выписокъ, это не выдается особенно. Принявъ въ соображеніе эти особенности четырехъ упомянутыхъ діалоговъ, не легко признать ихъ произведеніями одного и того же писателя, а еще труднѣе представить, что всѣ они суть Симоново изложеніе Сократовыхъ бесѣдъ, веденныхъ имъ въ сапожнической мастерской. Могъ ли Сократъ, или заставилъ ли бы его Платонъ, передавать Симону буквальные выписки изъ Эвтифрона, Менона и Протагора? И въ состояніи ли былъ Симонъ записать ихъ по памяти такъ, какъ онѣ изложены въ подлинныхъ діалогахъ Платона? Не объясняется ли тожество текстовъ проще? Разговоры «О праведникѣ» и «О добродѣтели», очевидно, основываются не на слухахъ, а на чтеніи подлинныхъ Платоновыхъ сочиненій.—Есть и другое обстоятельство, въ виду котораго трудно признать Симона составителемъ этихъ діалоговъ. Диогенъ Лаэртій, упоминая о запискахъ Симоновыхъ, говоритъ, какъ мы видѣли, что ихъ тогда называли сапожническими и насчитывали въ одной книгѣ до тридцати трехъ. Эти записки онъ вслѣдъ за тѣмъ означаетъ и заглавіями: *περὶ θεῶν*, *περὶ τοῦ ἀγαθοῦ*, *περὶ τοῦ καλοῦ*, *τί τὸ καλόν*, *περὶ τοῦ δικαίου πρώτος καὶ δεύτερος*, *περὶ ἀρετῆς*, *ὅτι οὐ διδακτόν*,

περὶ ἀνδρείας πρῶτος, δεύτερος, τρίτος, περὶ νόμου, περὶ δημαγωγίας, περὶ τιμῆς, περὶ ποιήσεως, περὶ εὐπαθείας, περὶ ἔρωτος, περὶ φιλοσοφίας, περὶ ἐπιστήμης, περὶ μουσικῆς. περὶ ποιήσεως, τί τὸ καλόν, περὶ διδασκαλίας, περὶ τοῦ διαλέγεσθαι, περὶ κρίσεως, περὶ τοῦ ὄντος, περὶ ἀριθμοῦ, περὶ ἐπιμελείας, περὶ τοῦ ἐργάζεσθαι, περὶ φιλοκέρδοῦς, περὶ ἀλαζονείας, περὶ τοῦ καλοῦ· οἱ δὲ (ἄλλοι;) περὶ τοῦ βουλευέσθαι, περὶ λόγου ἢ περὶ ἐπιτηδειότητος, περὶ χαουουργίας. Теперь представляется вопросъ: какія это были записки, что ихъ въ одной книгѣ помѣщалось тридцать три? Нѣтъ никакой вѣроятности полагать, что подъ ними разумѣются сочиненія, имѣвшія форму настоящихъ діалоговъ, въ такомъ развитіи, въ какомъ дошли до насъ четыре упомянутыя книги. Какъ ни кратки эти разговоры сравнительно съ объемомъ Платоновыхъ сочиненій, все же составъ ихъ въ числѣ тридцати трехъ долженъ былъ образовать не одну книгу. Притомъ странно, почему Симонъ, если онъ составлялъ свои записки по памяти, со словъ Сократа, и если эти записки буквально то самое, чтò изъ нихъ дошло до насъ подъ формою діалоговъ: «Миноса», «Иппарха» и проч.,—почему, говоримъ, онъ нисколько не выдержалъ въ нихъ тѣхъ особенностей бесѣды Сократовой, которыми она больше всего привлекала слушателей? Зачѣмъ нѣтъ здѣсь ни свойственной Сократу ясности, ни совершенной его простоты, ни увлекательнаго изящества его рѣчи, ни его ироніи? И такъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что памятные записки Симона, если только, вѣря Діогену, мы не будемъ сомнѣваться въ самомъ ихъ существованіи, вовсе не имѣли формы діалогической, но были самыми краткими и легкими очерками содержанія бесѣдъ Сократовыхъ, хотя, можетъ быть, сохраняли въ себѣ больше сократическаго характера, чѣмъ сколько выразилось его въ упомянутыхъ діалогахъ. Можно по крайней мѣрѣ думать такъ на томъ основаніи, что сапожническія записки въ свое время пріобрѣли извѣстность и читались многими,—такъ что, по словамъ Діогена, желалъ познакомиться съ ними и самъ Периклъ. Но если тогдашнее общество въ запискахъ

Симона находило не мало интереснаго, то нѣтъ ничего удивительнаго, что впоследствии любители Сократовыхъ разсужденій могли смотрѣть на нихъ какъ на репертуаръ, богатый матеріалами для составленія діалоговъ въ формѣ Платоновыхъ сочиненій, и вѣроятно, было много бездарныхъ головъ, которыя, увлекаясь кажущеюся легкостію работы, такъ какъ она должна была состоять только въ формованіи разговора изъ готоваго матеріала, принимались писать и дѣйствительно писали діалоги о законѣ, о корыстолюбіи, о добродѣтели и о праведникѣ. Когда именно были они написаны, рѣшить трудно; но можно полагать съ вѣроятностію, что въ кодексъ сочиненій Платоновыхъ вошли они во времена Птолемея,—въ такія времена, которыя, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, были періодомъ книжныхъ подлоговъ. Классическое мѣсто объ этомъ мы читаемъ у *Галена* (in *Hypocr. De nat. hom. l. I, t. V, p. 16, ed. Basil.*): «Прежде чѣмъ александрійскіе и пергамскіе цари стали заботиться о пріобрѣтеніи древнихъ книгъ, сочиненій, ложно усвояемыхъ писателямъ, не было. Но какъ только доставители писаній, принадлежащихъ какому нибудь древнему мужу, начали получать вознагражденія, они стали доставлять много сочиненій подъ ложными надписаніями». И такіе подлоги дѣлались особенно часто подъ сочиненія Платона и Аристотеля (*Richt. Bentleius, in Epistol. ad Waltonum, p. 4, et in Respons. ad Boyleum, p. 6*). Къ подлогамъ тогдашняго времени можно относить и «Миноса», тѣмъ съ бѣльшимъ вѣроятіемъ, что, по свидѣтельству *Диогена Лаэртія*, Миносъ былъ уже внесенъ Аристофаномъ византійскимъ въ его трилогіи.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ, ДРУГЪ.

Сокр. Что такое у насъ законъ ¹?

313.

Др. Да о какомъ законѣ-то спрашиваешь?

Сокр. Что же? развѣ законъ отличается чѣмъ отъ закона, ужъ по тому самому, что онъ законъ? Смотри, о чемъ я спрашиваю тебя. Я спрашиваю такъ же, какъ если бы спросилъ: что такое золото? И если бъ ты точно также возразилъ: о какомъ золотѣ спрашиваю,—думаю, твое возраженіе было бы неправильно; потому что ни золото отъ В. золота, ни камень отъ камня,—поколикую камень—камень, золото—золото,—ничѣмъ не отличаются. Такъ-то, вѣроятно, и законъ не отличается отъ закона, но всѣ они—то же самое; потому что каждый изъ нихъ—равно законъ, ни тотъ не болѣе, ни другой не менѣе. Такъ вотъ это я и спрашиваю: Что такое всякій законъ?—Скажи же, если имѣешь что сказать.

Др. Что иное могъ бы быть законъ (*νόμος*), Сократъ, какъ не то, что узаконяется (*τὰ νομιζόμενα*)?

Сокр. Неужели и рѣчь кажется тебѣ говоримымъ, зрѣніе

¹ Такое же начало «Иппарха»: *τί γάρ τὸ φιλοκέρδεις; τί ποτέ ἐστιν; καὶ τίνας ἂ φιλοκέρδεις;* Такъ же начинается и діалогъ «О праведникѣ»: *ἔχεις ἡμῖν εἰπεῖν ὃ τί ἐστὶ τὸ δίκαιον;* и «О добродѣтели»: *ἄρα διδακτόν ἐστιν ἡ ἀρετή.* Подобный этимъ приступъ и въ «Димодохѣ». Между подлинными же сочиненіями Платона нѣтъ ни одного съ такимъ началомъ. Правда, такъ начинается «Менонъ»; но тамъ совсѣмъ другой характеръ вопроса: тамъ спрашиваетъ не Сократъ, а весьма близкій къ нему и пользующійся довѣріемъ его юноша, Менонъ.

—зримымъ, слухъ—слышимымъ? Или иное—рѣчь и иное
 С. —говоримое, иное—зрѣніе и иное—зримое, иное—слухъ и
 иное—слышимое? Иное, слѣдовательно, законъ и иное—
 узаконяемое? Такъ, или какъ тебѣ кажется?

Др. Теперь мнѣ показалось инымъ.

Сокр. Стало быть, законъ не есть узаконяемое.

Др. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Такъ что же будетъ законъ? Разсмотримъ это такъ.
 Пусть бы кто нибудь о сказанномъ сейчасъ спросилъ насъ:
 314. если вы говорите, что зрѣніемъ видите зримое, то какимъ
 дѣйствительно зрѣніемъ видите? Мы отвѣчали бы ему, что
 тѣмъ чувствомъ, которое посредствомъ глазъ открываетъ
 намъ цвѣта. А онъ опять спросилъ бы: что же? когда слу-
 хомъ слышите вы слышимое, то какимъ дѣйствительно слу-
 хомъ? Мы отвѣчали бы ему, что тѣмъ чувствомъ, которое
 посредствомъ ушей открываетъ намъ звуки. Такимъ же
 образомъ, онъ спросить насъ: если закономъ постанов-
 ляется узаконяемое, то какимъ дѣйствительно закономъ?
 Чувствомъ ли это какимъ, или открытіемъ ¹,—подобно тому,
 В. какъ изучаемое изучается открывающимъ его знаніемъ; или
 какимъ изобрѣтеніемъ,—подобно тому, какъ изобрѣтается
 изобрѣтаемое, напримѣръ, какъ медициною обрѣтается
 полезное для здоровья и вредное, а искусствомъ провѣщанія—

¹ Чувствомъ ли это какимъ, или открытіемъ,—*πότερον αἰσθησει*
τινὶ ἢ δηλώσει. Вопросъ ставится такъ: законъ есть ли *αἰσθησις*, или *δηλώσις*?—
 и ставится, очевидно, невѣрно: изъ предыдущаго еще не слѣдуетъ, чтобы законъ
 былъ необходимо либо то, либо другое, такъ какъ и зрѣніе и слухъ содержались
 въ *αἰσθησει τινὶ*, τὰ χρώματα ἢ τὰς φωνὰς δηλοῦσθαι, а не въ *αἰσθησει τινὶ ἢ δηλώσει*
αὐτῶν. И такъ, здѣсь страннымъ образомъ смѣшиваются понятія. Но еще больше
 несообразности открывается въ прибавкѣ ἢ εὐρέσει τινὶ, что безъ всякой причины
 полагается какъ нѣчто третіе. Весьма странно также, что прорицателямъ при-
 писывается *εὐρίσκειν*, находить, что замышляютъ боги,—въ той только мысли,
 что *ματικῆ* есть искусство, а искусство, по видимому, есть *εὐρεσις τῶν πραγμάτων*.
 Вникая въ эти положенія, тотчасъ замѣчаешь, что авторъ «Миноса» не былъ
 человѣкъ, серьезно знакомый съ наукою и уже искушенный въ философскихъ
 изслѣдованіяхъ, что онъ берется за дѣло, которое ему не по силамъ (Stall-
 baum ad h. l.).

то, что, по словамъ провѣщателей, замышляютъ боги. Вѣдь искусство у насъ есть какъ бы изобрѣтеніе дѣлъ. Не правда ли?

Др. Конечно.

Сокр. Чему же изъ этого всего скорѣе припишемъ мы законъ?

Др. Это, мнѣ кажется, — постановленія и приговоры. Да и что другое можно бы назвать закономъ? Такъ что законъ въ цѣломъ, какъ ты (о немъ) спрашиваешь, должно быть, есть постановленіе города.

Сокр. Закономъ, какъ видно, называешь ты политическое С. мнѣніе ¹.

Др. Да.

Сокр. И, можетъ быть, правильно говоришь; но еще лучше, пожалуй, изслѣдуемъ это такъ. Называешь ли ты кого мудрымъ?

Др. Да.

Сокр. Не правда ли, что мудрые мудры мудростію?

Др. Да.

Сокр. Что же? справедливые справедливы справедливостію?

Др. Конечно.

Сокр. Стало быть, и законные законны закономъ?

Др. Да.

Сокр. А незаконные незаконны беззаконіемъ?

Др. Да.

Сокр. Законные же справедливы?

Др. Да.

Сокр. А незаконные несправедливы?

Др. Несправедливы.

Сокр. Справедливость же и законъ не есть ли дѣло прекрасное?

Др. Такъ.

¹ Изъ отвѣта собесѣдника Сократъ тотчасъ заключаетъ, что законъ кажется ему *δὲξαι πολιτικῆν εἶναι*, что впрочемъ на стр. 314 Е онъ отвергаетъ, какъ ложь. Что же? удивляться ли писателю, который *δόγμα* и *δόξαν*, не задумываясь, принимаетъ за одно и то же, тогда какъ немного прежде между *ἀκοή* и *ἀκούμενα*, *νόμος* и *νομίζόμενα* нашедъ большое различіе? Въ этомъ противорѣчii обличаетъ его и Бѣкъ (р. 12).

Сокр. А несправедливость и беззаконіе—постыдное?

Др. Да.

Сокр. И первое спасаетъ города и все другое, а послѣднее губить и разрушаетъ?

Др. Да.

Сокр. Стало быть, о законѣ надобно мыслить, какъ о чемъ-то хорошемъ, и искать его какъ блага.

Др. Какъ же иначе?

Сокр. А не сказали ли мы, что законъ есть постановленіе города?

Е. *Др.* Сказали.

Сокр. Что же? Между постановленіями нѣтъ ли хорошихъ и худыхъ?

Др. Есть.

Сокр. А между тѣмъ законъ-то не былъ худъ.

Др. Конечно, не былъ.

Сокр. Стало быть, неправильно будетъ отвѣчать такъ просто, что законъ есть постановленіе города.

Др. Мнѣ кажется, неправильно.

Сокр. Ибо худому постановленію нейдетъ быть закономъ ¹.

Др. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Однакожъ нѣкоторымъ мнѣніемъ-то законъ представляется и мнѣ самому. Если же онъ не есть мнѣніе худое, то не явно ли уже, что будетъ мнѣніемъ хорошимъ,—если только законъ есть мнѣніе?

Др. Да.

Сокр. Какое же мнѣніе хорошее? Не истинное ли?

Др. Да.

315. *Сокр.* Истинное мнѣніе не есть ли обрѣтеніе сущаго ²?

¹ Худому постановленію нейдетъ быть закономъ,—*οὐκ ἄρα ἀρμόττει αὐ τὸ ποιηρὸν νόμου νόμος εἶναι*. 'Αρμόττει въ соединеніи съ винительнымъ и неопредѣленнымъ напрасно искали бы мы у Платона. Это—конструкція позднѣйшаго времени. Въ такомъ же сочетаніи этотъ глаголь встрѣчается и въ приписанномъ Платону *Epist. VIII*, p. 356 D: 'Εντὶ βασιλέας ἀρμόττει γίνεσθαι.

² Это несогласно съ ученіемъ Платона, который въ правильномъ мнѣніи видѣлъ

Др. Такъ.

Сокр. Стало быть, законъ хочетъ быть обрѣтениемъ сущаго.

Др. Но какъ же это, Сократъ,—если законъ есть обрѣтение сущаго,—мы въ отношеніи къ тому же пользуемся не тѣми же законами, когда сущее-то у насъ обрѣтается?

Сокр. И тѣмъ не менѣе законъ хочетъ быть обрѣтениемъ сущаго. Если же люди, какъ намъ кажется, не тѣми же пользуются законами,—значить, не всегда могутъ они обрѣтать то, чего хочетъ законъ,—обрѣтать сущее. Одна- ^{V.} кожь посмотримъ-ка, не сдѣлается ли намъ отсюда явно ¹, тѣми же ли всегда пользуемся мы законами, или иногда иными, и всѣ ли тѣми же, или иные иными.

Др. Но это-то, Сократъ, замѣтить не трудно, что тѣ же не всегда пользуются тѣми же законами, и иные иными. Вотъ, напри- ^{С.} мѣръ, у насъ не законъ приносить въ жертву людей, а дѣло нечестивое; карѣагеняне же, напротивъ, приносятъ, и у нихъ это свято и законно; нѣкоторые же изъ нихъ, какъ и ты, можетъ быть, слыхалъ, приносятъ Кроносу даже дѣтей своихъ. И не только варвары пользуются отличными отъ нашихъ законами, но и живущіе въ Ликеи ², и потомки Аѳаманта, хотя и эллины, приносятъ такія же жертвы. Да и сами мы, знаешь, вѣроятно, и слыхалъ, какими пользо- вались законами относительно умершихъ: предъ выносомъ

нѣчто иное, а не изобрѣтение сущаго. Писатель, безъ сомнѣнія, превратно понялъ то, что объ этомъ предметѣ говорится въ «Менонѣ».

¹ Здѣсь надлежало доказать не то, что разные народы пользуются разными законами,—это не требовало доказательства,—а то, что законъ всегда имѣетъ въ виду то бѣ, и что только человѣческая слабость бываетъ причиною, что люди не достигаютъ своей цѣли. Но положеніе это требовало, конечно, особенно тонкаго изложенія. Поэтому, оставивъ совершенно въ сторонѣ то, что было нужно для развитія разсужденія, авторъ предпочелъ обратиться къ тому, что могло дать выгодное понятіе о личной его учености, и тѣмъ легче достигъ этого, что законъ, вопреки правильному сужденію, принялъ въ обширномъ смыслѣ; слѣдовательно, могъ разумѣть подъ нимъ не только законы, но и обычаи.

² Ликея—городъ Аркадіи. О человѣческихъ жертвахъ, приносимыхъ тамъ Зевсу, упоминаетъ и Платонъ—Reip. VIII, p. 565, и авторъ «Миноса», кажется, имѣлъ въ виду это мѣсто.

мертвеца, мы закаляли въ жертву животных¹ и призывали женщинъ-горшечницъ; а жившіе еще раньше этого даже въ своемъ домѣ и погребали умершихъ². Но мы ничего такого не дѣлаемъ. Подобныхъ примѣровъ можно бы указать безчисленное множество: это обширное поле для доказательствъ³, что ни мы сами у себя, ни другіе люди по отношенію другъ къ другу, не слѣдуемъ всегда тѣмъ же законамъ.

Сокр. Нѣтъ ничего удивительнаго, почтеннѣйшій, если слова твои справедливы; а мнѣ было это неизвѣстно. Но, пока ты будешь говорить отъ себя и выражать, что тебѣ **Е.** кажется, въ длинной рѣчи⁴, а я опять отъ себя,—мы никогда, думаю, не сойдемся: когда же вопросъ сдѣлаемъ общимъ,—можетъ быть, скоро придемъ къ согласію. И такъ, если хочешь, рассматривай дѣло вмѣстѣ со мною, спрашивая меня, а когда угодно—отвѣчай мнѣ.

Др. Хочу отвѣчать, Сократъ, что тебѣ угодно.

Сокр. А ну-ка, считаешь ли ты справедливое несправедливымъ, а несправедливое справедливымъ, или признаешь

¹ *Τερεῖα τε προσφάττοντες* перевожу: закаляли въ жертву животныхъ, а не людей. Здѣсь разумѣются жертвы погребальныя, совершавшіяся обыкновенно предъ выносомъ тѣла. Но что такое женщины-горшечницы, *ἐγυθρίστριαί*? Общее мнѣніе, что это женщины, дѣлавшія возліянія; а мнѣніе Бѣкка (р. 57)—что это собирательницы и укладывательницы костей. Трудно опредѣлить, которое вѣрнѣе. Извѣстно, что Солонъ сдѣлалъ много перемѣнъ въ погребальныхъ обрядахъ, и это-то писатель нашъ долженъ былъ имѣть въ виду.

² Это мѣсто замѣчательно. О томъ, что умершихъ погребали нѣкогда въ частныхъ домахъ, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не говорится. Нѣтъ сомнѣнія, что писатель имѣлъ предъ глазами какіе нибудь древнѣйшіе источники. Обычаи и постановленія аѳинянъ относительно этого предмета, имѣвшія силу во времена послѣдующія, прекрасно описалъ Беккеръ въ «Хариклѣ», сочиненіи, исполненно-мъ отчетливой учености.

³ Обширное поле для доказательствъ, *ἐπιρροχρία τῆς ἀποδείξεως*,—выраженіе не платоническое.

⁴ Писатель, очевидно, подражаетъ здѣсь Платону въ «Горгіасѣ», «Протагорѣ» и другихъ его книгахъ, гдѣ Сократъ тонко смѣется надъ многословіемъ софистовъ (см. *Protag.* р. 334 E sqq., *Gorg.* р. 449 C). Но какое это жалкое подражаніе! Здѣсь нѣтъ и тѣни той изящной ироніи, какою отличаются эти мѣста у Платона (сравни также *Protag.* р. 347 E—348 A).

справедливымъ справедливое, а несправедливымъ несправедливое?

Др. Я признаю справедливое справедливымъ, а несправедливое несправедливымъ.

Сокр. Не такъ же ли признается это и у всѣхъ, какъ 316. здѣсь?

Др. Да.

Сокр. И у персовъ?

Др. И у персовъ.

Сокр. Но всегда ли?

Др. Всегда.

Сокр. Правда ли, что здѣсь вѣсящее больше почитается тяжелѣйшимъ, а меньше—легчайшимъ, или напротивъ?

Др. Нѣтъ; но что тянетъ сильнѣе, то—болѣе тяжелымъ, а что слабѣе, то—болѣе легкимъ.

Сокр. Не такъ ли и въ Карфагенѣ, и въ Ликее?

Др. Да.

Сокр. Прекрасное, какъ видно, вездѣ почитается прекраснымъ, а безобразное вездѣ безобразнымъ; безобразное же прекраснымъ, или прекрасное безобразнымъ не почитается.

Др. Такъ.

Сокр. Чтобы сказать вообще,—не правда ли, что сущимъ почитается не то, чего нѣтъ, а то, что есть,—такъ и у насъ, и у всѣхъ другихъ?

Др. Мнѣ кажется.

Сокр. Поэтому кто погрѣшить относительно сущаго, тотъ погрѣшаетъ относительно законнаго.

Др. Такъ-то Сократъ, какъ ты говоришь, одно и то же всегда является законнымъ и для насъ, и для другихъ. Но когда подумаю, что мы не перестаемъ перестанавливать законы такъ и сякъ,—не могу убѣдиться.

Сокр. Можетъ быть, ты упускаешь изъ виду, что они, какъ шашки, будучи передвигаемы, остаются тѣ же. Но со-

образы вмѣстѣ со мною слѣдующее. Не попадалось ли уже тебѣ когда нибудь сочиненіе о возвращеніи здоровья больнымъ¹?

Др. Попадалось.

Сокр. Такъ ты знаешь, къ какому искусству относится это сочиненіе?

Др. Знаю,—къ врачебному.

Сокр. Врачей не называешь ли ты знатоками въ этомъ отношеніи?

Др. Называю.

D. *Сокр.* А знатоки о томъ же думаютъ то же ли, или иные иное?

Др. Мнѣ кажется, то же.

Сокр. Но думаютъ то же о томъ, что знаютъ, одни ли эллины съ эллинами, или и варвары съ варварами и эллинами?

Др. Быть взаимно того же мнѣнія совершенно необходимо знатокамъ,—какъ эллинамъ, такъ и варварамъ.

Сокр. Ты хорошо отвѣчалъ. А всегда ли?

Др. Да, и всегда.

Сокр. Врачи не то ли и пишутъ о здоровьѣ, что полагаютъ вѣрнымъ?

Др. Да.

E. *Сокр.* Эти сочиненія врачей, стало быть,—сочиненія врачебныя и представляютъ врачебные законы?

Др. Конечно, врачебныя.

Сокр. А земледѣльческія сочиненія не суть ли земледѣльческіе законы?

Др. Да.

Сокр. Но кому принадлежатъ сочиненія и узаконенія о воздѣлываніи садовъ?

¹ Точенъ ли и тонокъ ли былъ писатель въ употребленіи греческихъ словъ, видно уже изъ его выраженія: *περὶ ὑγείας τῶν χαρμύτων*. Слово *ὑγεία* или *ὑγαίνειν* прилагается только къ здоровью; въ настоящемъ же сочетаніи: *ὑγεία τῶν χαρμύτων*, оно употребляется въ приложеніи къ больнымъ. Сочиненіе *Περὶ ὑγείας τῶν χαρμύτων* есть, конечно, книга «о возвращеніи здоровья больнымъ»; стало быть, писатель долженъ былъ сказать: *Περὶ θεραπείας τῶν χαρμύτων*.

Др. Садовникамъ.

Сокр. Такъ это у насъ законы садоводственные?

Др. Да.

Сокр. Отъ лицъ, умѣющихъ управлять садами?

Др. Какъ же иначе?

Сокр. А умѣютъ садовники?

Др. Да.

Сокр. Отъ кого же исходятъ сочиненія и узаконенія о приготовленіи кушанья?

Др. Отъ поваровъ.

Сокр. Стало быть, это законы поварскіе?

Др. Поварскіе.

Сокр. Лицъ, умѣющихъ, какъ видно, управлять приготовленіемъ кушанья?

Др. Да.

Сокр. А умѣютъ, по ихъ словамъ, повара?

317.

Др. Конечно, умѣютъ.

Сокр. Пускай. Кому же, наконецъ, принадлежатъ сочиненія и узаконенія относительно управленія городомъ? Не тѣмъ ли, которые умѣютъ управлять городомъ?

Др. Мнѣ кажется.

Сокр. А умѣютъ это иные ли кто, кромѣ знатоковъ политики и царскаго искусства?

Др. Эти самые.

Сокр. Стало быть, эти сочиненія политическія, которыя у людей называются законами,—это сочиненія царей и доблестныхъ мужей.

V.

Др. Твоя правда.

Сокр. Что же? умѣющіе-то будутъ ли писать то одно, то другое объ одномъ и томъ же?

Др. Нѣтъ.

Сокр. И не будутъ относительно одного и того же давать то такія, то другія постановленія?

Др. Конечно, не будутъ.

Сокр. Если же мы видимъ, что иные гдѣ нибудь дѣлаютъ

это, то дѣлающихъ такъ знатоками ли назовемъ, или незнатоками?

Др. Не знатоками.

Сокр. И когда что правильно, не скажемъ ли, что это законно въ отношеніи къ каждому, врачебное ли то будетъ дѣло, поварское, или садовническое?

Др. Да.

С. *Сокр.* А какъ скоро неправильно,—уже не назовемъ законнымъ?

Др. Уже нѣтъ.

Сокр. Стало быть, то будетъ незаконно.

Др. Необходимо.

Сокр. Потому и въ сочиненіяхъ о справедливомъ и несправедливомъ, или вообще о благоустроеніи города, и о томъ опять, какъ должно управлять имъ,—правильное есть царственный законъ, а неправильное—нѣтъ, такъ какъ незаконно, хотя людямъ незнающимъ и кажется закономъ.

Др. Да.

Сокр. Стало быть, мы правильно согласились, что законъ D. есть обрѣтеніе сущаго.

Др. Видимо.

Сокр. Посмотримъ же на дѣло еще и съ этой стороны. Кто знатокъ распредѣлять сѣмена по почвѣ?

Др. Земледѣлецъ.

Сокр. На каждой почвѣ сѣять онъ сѣмя ей приличное?

Др. Да.

Сокр. Стало быть, земледѣлецъ есть хорошій въ такихъ дѣлахъ законникъ, и его законы и распоряженія въ этомъ отношеніи правильны?

Др. Да.

Сокр. А кто законникъ въ музыкальномъ сопровожденіи пѣнія и въ распредѣленіи приличныхъ созвучій? Кому принадлежать тутъ правильные законы?

Е. *Др.* Флейтисту и цитристу.

Сокр. Значить, самый большой законникъ въ этѣмъ есть самый лучший флейтистъ.

р. Да.

Сокр. А кто лучше всѣхъ распредѣляетъ по человѣческимъ тѣламъ пищу?— не тотъ ли, кто (даетъ имъ) пригодную?

Др. Да.

Сокр. Его распредѣленія и законы суть, стало быть, наилучшіе; и кто въ этомъ отношеніи особенно законенъ, тотъ и наилучшій законникъ.

Др. Конечно.

Сокр. Кто же онъ?

Др. Педотривъ.

Сокр. Не онъ ли самый большой искусникъ пасти чело- 318.
вѣческое стадо тѣла ¹?

Др. Да.

Сокр. А кто особенно искусенъ пасти стадо овецъ? Какое ему имя?

Др. Пастухъ.

Сокр. Стало быть, законы пастуха для овецъ самые превосходные законы.

Др. Да.

Сокр. А для воловъ законы волопаса.

Др. Да.

Сокр. Но кому принадлежать законы превосходнѣйшіе для человѣческихъ душъ? не царю ли? Скажи.

Др. Полагаю.

Сокр. И правильно полагаешь. А можешь ли сказать, кто в. изъ древнихъ былъ хорошимъ законодателемъ въ законахъ игры на флейтѣ? Можетъ быть, не приходитъ тебѣ на мысль, —такъ хочешь ли, я напомню?

Др. Конечно.

¹ Пасти челоѣческое стадо тѣла, τὴν ἀνθρώπειαν ἀγέλην τοῦ σώματος νέμεν, —фраза крайне уродливая. Мы допускаемъ стадо людей, но о стадѣ тѣлъ, да еще тѣла, никто никогда не говаривалъ въ здоровомъ умѣ. И однакожъ это мѣсто Стобей внесъ въ прекрасныя свои эклоги (Ethic. XIII, p. 278). По переводу Мюллера: die Gliederherde des menschlichen Körpers zu ordnen.

Сокр. Не говорятъ ли, что это были Марсіасъ и, любимецъ его, фригіянинъ Олимпъ?

Др. Правда.

Сокр. Ихъ-то напѣвы—напѣвы наиболѣе божественные; они одни трогаютъ (души) и выдаютъ тѣхъ, кто чувствуетъ нужду въ богахъ; и какъ божественные, они одни сохранились еще до сихъ поръ.

Др. Такъ.

С. *Сокр.* А кто изъ древнихъ царей былъ, говорятъ, добрымъ законодателемъ, котораго узаконенія сохраняются и донынѣ, какъ божественныя?

Др. Не приведу на мысль.

Сокр. Развѣ не знаешь, какіе изъ эллиновъ пользуются древнѣйшими законами?

Др. Не о лакедемонянахъ ли и законодателѣ Ликургѣ говоришь ты?

Сокр. Но этимъ-то, пожалуй, нѣтъ еще и трехсотъ лѣтъ, или по крайней мѣрѣ немногимъ больше; но откуда пришли самыя лучшія изъ этихъ узаконеній? знаешь ли?

Др. Говорятъ, съ Крита.

Сокр. Такъ не эти ли изъ эллиновъ пользуются древнѣйшими законами?

Др. Да.

Сокр. А знаешь ли, кто у нихъ были добрые цари?—Миносъ и Радамантъ, дѣти Зевса и Европы: имъ-то принадлежать тѣ законы.

Др. О Радамантѣ-то, Сократъ, рассказываютъ, какъ о справедливомъ мужѣ; но Миносъ былъ, говорятъ, человѣкъ какой-то дикій, тяжелый и несправедливый.

Е. *Сокр.* Ты повторяешь, почтеннѣйшій, аттическую, заимствованную съ трагической сцены басню.

Др. Что ты? развѣ не это говорится о Миносѣ?

Сокр. Не это у Омира и Исіода; между тѣмъ эти-то ¹

¹ Писатель не допускаетъ, что Омиръ и Исіодъ говорили о Миносѣ худо; а

достовернѣе, чѣмъ всѣ писатели трагедій вмѣстѣ, наслушавшись которыхъ, ты говоришь это.

Др. Что же говорятъ они о Миносѣ?

Сокр. Я скажу тебѣ,—чтобы и ты, какъ многіе, не вдавался въ нечестіе. Вѣдь ничего нѣтъ нечестивѣе этого и ничего не должно такъ опасаться, какъ грѣха противъ боговъ словомъ и дѣломъ, и затѣмъ—грѣха противъ божественныхъ людей. Намѣреваясь порицать или хвалить мужа, надобно имѣть весьма много осмотрительности, чтобы не сказать неправды. А для этого нужно учиться распознавать добрыхъ и злыхъ людей. Гнѣвается Богъ, когда порицаютъ того, кто ему подобенъ,—а подобны доблестные люди,—или хвалятъ того, кто ему противится. Не думай, будто есть священные камни, дерева, птицы и змѣи, а людей нѣтъ: изъ всего этого священнѣйшее есть добрый человѣкъ, а презрѣннѣйшее—злой. Такъ вѣтъ и о Миносѣ, какъ его восхваляютъ Омиръ и Исидоръ, я скажу тебѣ для того, чтобы ты, будучи человѣкомъ и отъ человѣка, не грѣшилъ словомъ противъ героя, Зевсова сына. Омиръ, говоря о Критѣ, что на немъ много людей и девяносто городовъ, прибавляетъ ¹:

Есть у нихъ многолюдный городъ Гноссосъ, гдѣ Миносъ
былъ,—

Каждый девятый годъ—собесѣдникъ великаго Зевса.

Эта похвала Омира Миносу, при всей своей краткости, такова, какой Омиръ не высказалъ ни одному герою. Что Зевсъ—софистъ ², и что это искусство прекрасно, явно какъ

между тѣмъ самъ, на стр. 321 А, сообщаетъ рассказъ о дани, которую онъ положилъ брать дѣтьми. Развѣ этимъ доказывается справедливость и милосердіе царя?—Да и не даромъ Омиръ (*Oduss.* л. в. 321) называетъ Миноса *δλοφρονα*, враждебнымъ, что писатель, видно, или забылъ, или намѣренно утаиваетъ.

¹ Мѣсто Омира—*Oduss.* XIX, в. 174 sqq.

² Изъ того, что Миносъ былъ собесѣдникомъ Зевса, писатель выводитъ, что Зевсъ—софистъ: въ высшей степени натянутая и странная мысль. Притомъ, какое неудачное подражаніе Платону! Платонъ иногда называлъ софистами—Любовь, Преподобную, Протея, героевъ (наприм. *Sympos.* р. 203 D; *Сга-*

изъ многихъ другихъ мѣсть, такъ и отсюда. Здѣсь говорится, что Миносъ каждый девятый годъ ¹ имѣлъ словесныя бесѣды съ Зевсомъ и ходилъ къ нему учиться, такъ какъ бы Зевсъ былъ дѣйствительный софистъ. Что такого преимущества—быть ученикомъ Зевсовымъ—Омиръ не даетъ ни одному изъ героевъ, кромѣ Миноса,—въ этомъ чрезвычайная похвала Миносу. Да и въ Одиссеѣ, въ Тризвѣ ², онъ изображаетъ судящимъ и держащимъ золотой жезлъ не Радаманта, а Миноса. О Радамантѣ же ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ не говорится, чтобы онъ судилъ, или обращался съ Зевсомъ. Потому-то я и говорю, что Миноса Омиръ славить болѣе всѣхъ; ибо болѣе той славы, какъ, будучи сыномъ Зевса, одному учиться у Зевса, не можетъ быть; а это самое и выражаетъ стихъ:

Каждый девятый годъ—собесѣдникъ великаго Зевса,
 Е. —что, то есть, Миносъ, былъ ученикомъ Зевсовымъ; такъ какъ бесѣды здѣсь—наставленія, а собесѣдникъ—участникъ въ наставленіяхъ. И такъ, Миносъ въ теченіе девятаго года ходилъ въ пещеру Зевса, чтобы частію учиться, частію держать испытаніе въ томъ, чему научился отъ Зевса въ прежнее девятилѣтіе. Иные впрочемъ слово «собесѣдникъ» понимаютъ

тыл. р. 403 E, р. 398 D; Euthyd. р. 288 E); но близорукій авторъ «Миноса» не замѣтилъ, что у Платона этотъ эпитетъ вездѣ, въ такихъ случаяхъ, носитъ характеръ шутки,—и вотъ то же названіе относитъ теперь къ верховному Зевсу серьезно.

¹ Здѣсь писатель къ слову *ὁ ἀριστὴς*, собесѣдникъ, прибавилъ, въ видѣ эпитета, *ἐννέωρος*, девятилѣтній: этимъ онъ затемнилъ ясное значеніе подобнаго же выраженія у Платона (Legg. I, р. 624 A: *δι' ἐνάτου ἔτους*), да и своей рѣчи придалъ двойной смыслъ. Послѣ того, нѣкоторые стали превратно толковать это мѣсто, полагая, что Миносъ учился у Зевса, имѣя отъ роду девять лѣтъ, или что онъ ходилъ къ нему въ продолженіе девяти лѣтъ,—тогда какъ, по смыслу словъ Платоновыхъ, выходитъ, что Миносъ бесѣдовалъ съ Зевсомъ на каждомъ девятомъ году своего царствованія (Fischer. ad Wellerum, t. III, р. 2, р. 168; Matthiae Gramm. р. 1150; Hermann. ad Viger. р. 584). Вотъ что пишетъ Valerius Max. (I, 2): *Minos, Cretensium rex, nono quoque anno in quoddam praecaltum et vetusta religione consecratum specus secedere solebat, et in eo commoratus tanquam a Jove, quo se ortum ferebat, traditas sibi leges praerogabat.*

² Въ Тризвѣ, *ἐν Νεχολίῳ*: такъ называлась у древнихъ XI пѣснь Одиссеи (см. v. v. 568, 569).

въ смыслѣ участника попоекъ и игръ Зевсовыхъ; но вотъ доказательство, что такъ понимающіе судятъ невѣрно. Какъ 320. ни много на свѣтѣ людей, грековъ и варваровъ, нѣтъ между ними никого, кто удерживался бы отъ попоекъ и забавъ, соединенныхъ съ виномъ; удерживались только критяне и, вторые за ними,—лакедемоняне, ученики критянь. На Критѣ же къ числу законовъ, постановленныхъ Миносомъ, принадлежитъ одинъ такой: не пить другъ съ другомъ до опьяненія. Но явно, что Миносъ узаконилъ для своихъ гражданъ то, что самъ почиталъ хорошимъ; ибо, вѣроятно, не могъ онъ, подобно людямъ ничтожнымъ, полагать одно, а дѣлать в. другое, его мнѣнію противное. Такъ это обращеніе его съ Зевсомъ, какъ я говорю, было словеснымъ наставленіемъ въ добродѣтели. Потому-то далъ онъ своимъ гражданамъ и такіе законы, подъ которыми Критъ во все время благоденствуетъ, а затѣмъ благоденствуетъ и Лакедемонъ—съ той поры, какъ сталъ пользоваться тѣми законами, имѣющими силу божественныхъ. А Радамантъ хотя былъ тоже доблестный человекъ, потому что воспитанъ Миносомъ, однакожъ изучилъ не все царское искусство, а только одну служебную его часть—о томъ, какъ распорядиться въ судахъ. Оттого-то и вышелъ изъ него добрый судья. И Миносъ пользовался имъ, какъ стражемъ законовъ въ своей столицѣ, а какъ стражемъ ихъ по всему Криту, пользовался Талосомъ¹; такъ что Талосъ три раза въ годъ объѣзжалъ всѣ селенія и охранялъ въ нихъ законы, которые возилъ начертанными на мѣдныхъ доскахъ, отчего и прозванъ былъ мѣднымъ.

Близкое къ этому сказалъ о Миносѣ и Исідодъ; ибо, упомянувъ его имя, онъ говоритъ², что это былъ самый царственный изъ смертныхъ царей:

¹ Талосъ былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ подручников Миноса. Его называли мѣднымъ, можетъ быть, за неумолимость и твердость его воли. А поллodorъ (I, 9, 26) рассказываетъ о страшныхъ его жестокостяхъ. (Schol. et Eustath. Ad Odyss. XX, 302; Ad. Orph. Argon. v. 1348).

² Этого мѣста Исідода въ другихъ источникахъ не находится, и потому оно не внесено въ рядъ его отрывковъ.

И надъ многими царствовалъ онъ въ сосѣдствѣ странами,
Съ Зевсовымъ скиптромъ въ рукахъ, городамъ давая
устройство.

А подъ скиптромъ Зевса и онъ разумѣть не что иное, какъ
полученное отъ Зевса образованіе, при помощи котораго
Миносъ управлялъ Критомъ.

Др. Отчего же, Сократъ, распространилась эта молва о
Е. Миносѣ, какъ о человѣкѣ необразованномъ и тяжеломъ?

Сокр. Да отчего и ты, почтеннѣйшій, если будешь бла-
горазуменъ, и всякій другой, кто заботится о сохраненіи
добраго своего имени, остережетесь, какъ бы не возбудить
непріязненнаго къ себѣ чувства въ комъ либо изъ по-
этовъ? Вѣдь поэты имѣютъ сильное вліяніе на общее мнѣніе
о людяхъ—въ ту и другую сторону, когда то хвалятъ ¹ ихъ,
то обвиняютъ. А въ этомъ именно отношеніи и погрѣшилъ
Миносъ,—рѣшившись воевать съ нашимъ городомъ, гдѣ много
какъ другой мудрости, такъ и различныхъ поэтовъ, во вся-
комъ родѣ,—и въ трагедіи. Трагедія здѣсь издревле, и нача-
321. лась не только, какъ думаютъ, отъ Тесписа, или Фриниха, но,
если хочешь узнать, найдешь, что она древнѣйшее изобрѣ-
теніе этого города. А трагедія есть видъ поэзіи, который
наиболѣе восторгаетъ народъ и увлекаетъ души. Такъ ею-то
усиливаемся мы мстить Миносу за то, что онъ заставилъ
насъ платить ту дань. Въ этомъ-то погрѣшилъ Миносъ, что
возбудилъ наше негодованіе, и вотъ отчего, какъ ты спра-
шиваешь, прослылъ у насъ злымъ человѣкомъ. А что онъ
В. былъ добръ и законенъ, о чемъ мы и прежде говорили,—то
есть, былъ добрымъ законникомъ,—важнѣйшимъ доказатель-
ствомъ этому служить то, что его законы остаются неиз-
мѣнны, такъ какъ онъ дѣйствительно открылъ истину въ
томъ, что относится до благоустройства города.

¹ Εὐλογεῖν, хвалить, у Платона въ этомъ смыслѣ нигдѣ не употребляется. И
εὐλογία въ книгѣ De ger.—III, p. 400 D—имѣетъ не то значеніе. Но въ «Аксиохъ»,
p. 365 A, εὐλογία τῷ ἀρετῶν означаетъ уже похвалы добродѣтели.

Др. Мнѣ кажется, Сократъ, ты изложилъ дѣло очень правдоподобно.

Сокр. Но если я говорю правду, не кажется ли тебѣ, что критяне, граждане Миноса и Радаманта, управляются самыми древними законами?

Др. Явно.

Сокр. Стало быть, эти-то были отличнѣйшими законодателями древнихъ, законниками и пастырями людей,—въ С. томъ смыслѣ, какъ и Омиръ добраго военачальника называлъ пастыремъ народовъ.

Др. Конечно.

Сокр. Пусть же, ради Зевса, покровителя дружбы, кто нибудь спросилъ бы насъ: въ чемъ состоятъ тѣ мѣры по отношенію къ тѣлу, посредствомъ которыхъ добрый законодатель и пастырь тѣла дѣлаютъ его лучшимъ?—Мы, въ краткихъ словахъ, хорошо отвѣчали бы ему, что онѣ состоятъ въ пищѣ и трудѣ, такъ какъ пищею онъ возвращаетъ тѣло, а трудомъ упражняетъ и укрѣпляетъ.

Др. Правильно.

Сокр. А если бы послѣ этого онъ спросилъ насъ: въ чемъ же состоятъ тѣ, которыя добрый законодатель и пастырь прилагаетъ къ душѣ, и такимъ образомъ дѣлаютъ ее лучшею?—Какой дали бы мы отвѣтъ, не стыдясь ни за себя самихъ, ни за нашу возрастъ?

Др. На это я не могу еще отвѣчать.

Сокр. Но стыдно вѣдь это для души обоихъ насъ, что онѣ являются не знающими въ себѣ того, отъ чего зависитъ для нихъ доброе и худое, а тѣлесное, напротивъ, и все другое изслѣдовали.

